

ВЛАДИ

ДРАКУЛА

ИНОЙ

исторический роман

Любовь Ив

16+

Любовь Ив Дракула иной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64025177

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-98479-0

Аннотация

Дорогой читатель, книга, которая находится у вас в руках, перевернёт представление о Валашском князе Владе Дракуле Третьем. Основана на исторических фактах. Дополняет экранизированную историю Голливуда Dracula Untold.

Содержание

От автора	4
Предисловие	6
Историческая хроника о Владе Дракуле	6
Пролог	18
Глава первая	25
Глава вторая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Любовь Ив Дракула иной

От автора

Люди... Кто они?

Оглянитесь вокруг!

Толпа упивается сценами насилия с древности: Колизеи и гладиаторы, публичные казни, стремление к власти и упоение ей, войны, алчность и ненасытность к богатствам, плотские утехи и оргии... Что изменилось сегодня? Появилось больше религий, способных воспитывать нравственность, но животная натура человека дремлет в каждом из нас.

Для чего мы здесь?

Каков смысл?..

Что в себе таит человеческая сущность?

В чём скрыта способность усмирять дикие инстинкты животной природы, дабы получить умиротворение и покой?..
Что дарит самое главное благо в душе?..

Истинная любовь!

Но как разобрать среди влюблённости, страсти, тёплой дружбы саму Любовь?

Кто постиг силу смерти, тот сравнил её с силой Любви, знает и о том, что есть истинная Любовь... Только тому ве-

дома глубина и сила этого чувства, постиг он и бездонную мощь смерти. И только тот может любить по-настоящему, и только тот уже не убоится смерти.

Так не устрашится он и Любви.

Предисловие

*Год одна тысяча четыреста сорок второй от Рождества Христова. Чтобы пополнить ряды своей армии, турецкий султан взял тысячу мальчиков из Трансильвании. С пленными детьми обращались жестоко. Это делалось для того, чтобы воспитать из них безжалостных убийц, которые будут проливать кровь всякого, кто бросит вызов туркам. Один из этих мальчиков вырос в воина столь свирепого, что целые армии бежали в ужасе только при упоминании его имени...
Влад Колосажатель, сын Дракона...*

Dracula Untold 2014, [Universal Pictures](#), [Legendary Pictures](#), персонажи – Брем Стокер, сценарий – Мэтт Сазама, Берк Шарплесс

Историческая хроника о Владе Дракуле

В далёком пятнадцатом веке в местечке, именуемом Шесбург, но ныне Сигишоара, родился второй сын династии правителей Басарабов Валахии – княжеский младенец Влад, которого нарекли в честь отца, Влада II. В те годы, укрепляя позиции княжества от ополчения врагов, отец новорожденного – князь Дракул – принял приглашение короля Венгрии

Сигизмунда I Люксембургского вступить в рыцарский орден Дракона, созданный в кровопролитные времена крестовых походов, где князь начал службу командующего пограничными войсками. Его задачей стало охранение прохода через Трансильванию от внутренних и внешних врагов, от еретиков и язычников. С тех пор князя Влада II нарекли Дракулом, что означало – сын рыцарского ордена Дракона, а княжество Валахия овладело автономией и вошло в состав Венгерского королевства.

Примечательно, что цивилизация в этих землях существовала задолго до Древнего Египта – за восемь тысяч лет до нашей эры. И именно здесь было создано колесо – символ вечности. Но всё же географическое расположение родины княжичей Дракул издревле являлось опасным: из тысячелетия в тысячелетие регион переходил из рук в руки, а народ, проживающий на землях румынских, страдал от войн и рабства, насаждения новых культур, религий. В античные времена здесь находилась столица воинского дакийского народа Сармизегетуза. При Траяне земли даков перешли римлянам и нареклись римской провинцией Дакия. Во времена Средневековья в завоевании земель Трансильвании были заинтересованы: Римская империя и католическая церковь, Византийская империя во главе греческой православной церкви, и Османская империя, возглавляемая турецким султаном, исповедующая ислам.

Отец родившегося мальчика – князь Влад II Дракул – ста-

рался сделать всё, чтобы жизнь в Валахии протекала мирно, а влиятельные империи не осаждали княжество войной. Страшнее не придумаете: стать центральной точкой промеж могущественных врагов, норовящих превратить маленькую страну политическими играми в разменную монету, где любое неповиновение жестоко каралось изощрёнными казнями, кровавыми побоищами, некоторые поселения превращались в огненные пепелища, тем стирались с лица земли. Ведомый чувством долга перед народом, князь пытался договориться, вступая в компромиссы с враждующими сторонами: войдя в состав Венгерского католического королевства, он пытался отвлечь крестовые походы и бои от своей земли. Но Валахия всегда была духовно связана с Греческой православной церковью, а с Византией католики враждовали.

Валахия оказалась в тисках меж двух империй, католической и христианской, но наиболее серьёзную угрозу для всех сторон представляла Оттоманская (Османская) империя, которая угрожала порабощением всему, на что обращался взор турецкого султана.

Призванная сдерживать врагов и охранять пограничные зоны, Валахия оказалась под прямой угрозой. Князь Влад II Дракул отправился на переговоры с султаном Мурадом II и по наставлению его взял с собой собственных сыновей, среди которых был наречённый в его честь Влад и младший Раду. Переговоры прошли удачно для княжества Валахия

и Османской империи, но самого князя, отца двух маленьких княжичей, посадили в темницу на восемь месяцев за измену и пособничество венгерскому королю. Дети валашского князя остались под надзором у турок. К тому времени Янош Хуньяди, ставший официальным правителем Венгерского королевства, поставил другого Басараба в управление Валахией и обвинил род Дракул в измене, из-за чего княжеской семье было необходимо убежище. Султан воспользовался этим. Весной одна тысяча четыреста сорок четвёртого года князь Влад II Дракул вернулся из Турции с янычарами, посланными султаном в помощь князю, и сместил ставленника венгерского короля. Так князь Влад Дракул вернул княжество, но заплатил высокую цену. В тот год султан Мурад II призвал в войска турецких янычар тысячу мальчиков из Трансильвании, и чтоб так и было – в качестве политических заложников он оставил у себя двух сыновей князя Влада II Дракула – Влада и Раду.

С тех пор мальчик, известный истории как Колосажатель (Цепеш), князь Влад III Дракула, претерпевает большие потрясения. Воспитанник рыцарской догматики, подросток, к тому моменту говорящий на нескольких языках, обученный военному и дипломатическому искусству, весьма одарённый к наукам и физически, Влад сталкивается с миром насилия.

По некоторым источникам, братьев разделили. Средний брат династии, Дракул Влад, сильный духом, упрямылся. Посему его отправили в замок Токат, в темницу для величай-

ших особ, где он претерпевал измождение эмоциональное и физическое. На глазах подростка проходили пытки: истязания, сажания на кол, сжигания заживо. Но более Влада Дракулу угнетали, нанося психологическую травму, сексуальные домогательства юного Мехмеда – наследника султана Мурада – до его младшего брата Раду. Как утверждает один из источников (средневековый автор, греческий историк [Лаоник Халкокондил](#)), среди методов воспитания бесстрашных воинов было и сексуальное насилие, как следствие – процветание гомосексуализма и педофилии.

Несносной ношей оказались четыре года заточения, которые Влад провёл среди воинов-янычар. В скором времени он овладевает турецким языком и всеми навыками турецкого лазутчика, и выучивается притворяться, дабы выжить. Так, он начал молиться как янычары, говорить как янычары, думать как янычары.

В то время отец Влада – князь Валахии – мирным соглашением с Османской империей путем залога собственных детей вызывает подозрение и недоверие у венгерского короля. Венгры подначивают бояр и совершают государственный переворот, в результате которого отцу Влада Дракулы отрубают голову, а самого старшего сына рода Дракул, наречённого именем Мирча, казнят страшной казнью.

Из-за совершённого переворота власть в Валахии вновь переходит от Оттоманской империи к Венгерскому королевству. Узнав об этом, султан готовится к новой войне с вен-

грамми.

Главное сражение случается в Сербии на Косовом поле 17–19 октября 1448 года, где турецкая армия побеждает.

Влад к тому времени достигает зрелого возраста. Ему было около шестнадцати-восемнадцати лет. Закалённый походами и войной, он начал смотреть на кровопролитие не чувствуя ни страха, ни боли, убивать не задумываясь. Узнав о казни отца и брата – ожесточился ещё более. Увидев это, султан решил освободить Влада из политического заключения и поставить на княжество Валахии своим преемником.

«Султан одарил его (Дракулу) деньгами, конями, одеждами, великолепными шатрами, которые подобает иметь господарю, и как можно скорее отправил в Валахскую землю, чтобы он правил вместо своего отца. <...> Младшего же его брата он оставил при своем дворе».

«Записки яньчара», глава XXXIII

Султан поставил Влада с условием – править и платить дань туркам.

То было первое пришествие князя Влада III к власти. К своей фамилии он начал приписывать букву «а»: Дракула, что значило в те времена – второе имя, унаследованное от отца (отчество).

Борьба за власть продолжалась, а посему повинные в смерти отца и старшего брата Влада III Дракулы саксонские бояре устроили покушение на новоиспечённого князя, что

заставило его покинуть Валахию и начать набирать собственное войско, чтоб вернуть законную власть.

Ко второму пришествию на валашский трон князь Влад Дракула III был женат. Его сын, от роду лет шести, стал любим князем, в одинаковой степени правитель Валахии дорожил своей женой. По некоторым источникам, супруга принадлежала к знатному венгерскому дворянскому роду. Любовь, связывающая их, пережила много интриг и гонений. Влад прикладывал усилия, чтоб добиться расположения возлюбленной, которая была проста в общении, но сильна духом. Милосердна, но тверда и непорочна. Эта женщина умирала чистотой, являясь полной противоположностью Владу. Версий истинного имени единственной законной супруги и княгини существует несколько, но все они созвучны с православным именем: Мирена, Милена, Елена. Смерть княгини по сей день окутана загадками.

Мне, как автору, было достаточно тяжело разобраться и склониться к определённой версии. Поэтому пришлось подключить логику. На этот счёт существуют легенды. В родной стране князя, Румынии, в учебниках истории Влад Дракула III описывается не как тиран, но как герой и ярый защитник народа. При его правлении молоко было дешевле воды, а коррупция и воровство совершенно истреблены. Простые люди по сей день называют его румынским Робин Гудом. И определённо точно, народ Средневековья своего князя возвеличивал и обожал, до того момента, пока земель Валахии

не достиг султан с войском и князю пришлось обороняться меньшим количеством солдат, сея ужас в рядах противника теми методами, коим научили его сами турки и предки. Часто Влад применял психологическую атаку страхом, из-за чего среди простого народа начала ходить молва о том, что князь превратился в монстра. Чем и воспользовались противники. Развёрнутая информационная война, устроенная венграми ещё при жизни князя, когда сын Яноша Хуньяди (главного врага, постоянно играющего в политические игры и устраивающего гонения против Дракулы, зверски убившего его отца и старшего брата руками саксонских бояр) – Матияш – после схватки с турками и смерти жены Дракулы заточил его на двенадцать лет в тюрьму, обвинив в одержимости дьяволом и назвав жестоким Колосажателем. Эти времена совпали с началом книгопечатания – вышло много брошюр, подрывающих доброе имя князя. Основная задача короля Венгрии заключалась в том, чтоб народ забыл щедрую к простым людям политику князя, но вспомнил жёсткую повадку к боярам и вельможам, некогда предавшим законного княжеского наследника – Дракулу. Более того, Венгерское королевство подчинялось католической церкви. Дракула исповедовал православную веру. В средневековой Европе существовало поверие: человек, меняющий вероисповедание, становился вампиром и обязательно подвергался казни. Обвиняя Дракулу в вампиризме, Матияш лукавил, заставляя его жениться на своей же родственнице католичке – в целях

политической и абсолютной власти над Валахией. Но при этом Дракулу продолжал удерживать в кандалах и применять против него пытки.

Портрет, единственно сохранившийся до наших дней, что находится в музее Бухареста, написан в период, когда князь провёл двенадцать лет в заключении. Измождённое лицо, осунувшиеся плечи, огромные выпуклые глаза от излишней худобы, нестриженные длинные волосы, серовато-бледный цвет кожи... Ранние портреты, сделанные до двенадцатилетнего заточения, было велено уничтожить. Так же по указанию Влада, ещё во времена его правления, княжеский лик был убран с серебряных монет государства. В Румынской академической библиотеке в Бухаресте и по сей день хранятся документы, подтверждающие великую гуманность господаря. Так же там хранится знаменитая серебряная монета, на которой изображена комета Галлея, вместо профиля Влада Дракулы. Это небесное тело наблюдали в небе в одна тысяча четыреста пятьдесят шестом году – в год прихода Влада к власти.

Людская молва быстро подхватывает самые невероятные истории. Могла ли княжна – супруга Дракулы – покончить жизнь самоубийством? Думаю, только лишь в том случае, если была слаба духом и не имела крепких православных взглядов, где самоубийство считается тяжким грехом.

Я имею все возможности рассуждать как женщина, мать и верующий человек. В моей жизни был тот случай, когда

совершенно не хотелось жить. Но меня останавливал страх перед высшим судом, поскольку я вхожа в церковь и ведаю значение самоубийства в православном мире. Женская интуиция в совокупности с въедливыми исследованиями психологии и религии говорят мне: это не могло быть самоубийство. У княгини, кроме мужа, был ещё и ребёнок. Как может мать, не замеченная до сей поры в попытках самоубийства, и правящая вместе с князем, резко впасть в страшное уныние, которое разрушило бы не только её, но главное – жизнь её ребёнка? Кротко ожидающая законного супруга изо всех многодневных и многомесячных походов. Ведь если рассудить – жизнь Влада не предполагала княжение в тёплом кресле у камина. Бесконечные войны, постоянное строительство, которое он развернул по всей Румынии, разведка в тылу врага – всё это указывает на то, что супруги виделись редко! Двенадцать лет княгиня шла с Владом рука об руку, дожидаясь из походов и войн, воспитывала их ребёнка. Как вдруг самоубийство?! Как могла горячо любящая женщина и мать покончить с собой, даже если до неё дошла молва, что Влад погиб в бою, если у них рос сын?!

Определённо точно, память о супруге князя увековечена. До сегодняшних дней рассказывают легенды о любви Влада и молодой княгини. Известно, что горная река, протекающая у подножья скалы недалеко от деревни Арёфу, где проживает всего одна тысяча сорок человек, наречена – Арджеш (рум. Râul Argeş), что в переводе означает – река княгини.

Здесь Влад Дракула нашёл тело возлюбленной, среди камней и воды... Поговаривают, что берега с тех пор приобрели красноватый цвет.

Что до самого Влада Дракулы, то по сей день не известны точные даты ни его рождения, ни его смерти. Некоторые источники склоняются к версии, будто его убили турки на поле боя и доставили голову султану. Но в Турции нет документов, подтверждающих смерть главного врага, Влада Цепеша, и нет никаких данных о том, что голова Дракулы была выставлена на всеобщее обозрение народа. Янычары не отсекали всю голову, но снимали скальп с лицевой части и выставляли останки врагов на площади. Документов, зафиксировавших данный исторический факт, нет. Другие источники утверждают, что его убили собственные воины, измождённые бесконечными боями. Но последние двенадцать лет князь не воевал, а находился заточённым в кандалы у венгерского короля. Третий источник говорит, что, освободившись из заключения, Влад Дракула переделся в доспехи врагов-янычар и бежал.

Загадочная смерть княгини, неизвестная кончина князя и загадки, коими овеяна историческая фигура Влада Дракулы, отсутствие портретов, комета, изображённая на серебряной монете, по сей день сохранившейся в стенах библиотеки Румынии, экранизация романа Брема Стокера в новом формате в две тысячи четырнадцатом году – истории реального человека, становящегося вампиром, заставили меня остано-

вить пристальное внимание на этом персонаже и задуматься.

Вглядываясь в характер Влада Дракулы, изучая страну, уклад, кухню, вероисповедание, реальных исторических героев, я не могла не полюбить и не принять открывшиеся мне знания. Прочувствовать, понять мрачную, страшную историю Средневековья, но без страхов. А с невероятным чувством благодарности. Поскольку в сутках всегда две стороны: день и ночь. Это как свет и тьма, всегда не отделимые друг от друга...

Более всего люди боятся смерти, но так ли страшна смерть, если ты веришь в Бога? Поскольку любовь и есть Бог (цит. Библия), любовь – дарует бессмертие.

Местечко в Румынии, где родился реальный Влад Дракула, под названием Сигишоара, обладает невероятной силой, а румынская поговорка гласит: *«В Трансильвании часы отсчитывают не время, а вечность...»*

Как думаете, с чем это связано?

Пролог

– Аллё?!

– Аллю?!

– Привет! Это я...

– Привет!

Но тут же девушка умолкла. Собираясь с силами и борясь с внутренними противоречивыми страхами, она напомнила себе: лучше пожалеть о сказанном, чем больше никогда не сказать самое важное. Как долго решалась на этот звонок, преодолевая собственную гордыню с вьедливыми стандартами поведения, вложенными с детства?! Уже потеряла счёт времени... Сомнения чёртиками нашёптывали где-то внутри: зачем ты ему нужна?! У него женщин – тысячи! Он может себе позволить любую... Забыл, наверное, о тебе! А ты тут с ума сходишь... Переживаешь! Но вновь, словно бросая вызов собственным терзаньям, девушка подумала: «Пусть даже если он совсем не ждал! Это нужно в первую очередь мне. И просто – люблю. Пусть знает. Я должна хотя бы спросить его мнение обо всём...»

Недрогнувшим и ровным тоном она молвила дальше:

– Рада слышать тебя. Год, наверное, прошёл с тех пор, как мы последний раз разговаривали?

– Я тоже очень рад! Как у тебя дела?

Избитая фраза?! Но нет! Это прозвучало по-особенному

близко и родственно, что тут же согрело её душу, измученную одиночеством, и мгновенно сняло напряжение во всём теле.

Как ей не хватало этих его простых, приветливых, заботливых слов! Так сильно!

– У меня всё хорошо! Книжку пишу.

– Правда?!

– Да. Это роман. Собственно, поэтому и звоню. Книжка на реальных событиях. О любви. Главный герой – с тебя. Но не знаю, как его назвать... Помню о твоих тайнах и понимаю, что настоящее имя раскрывать нельзя. Как тебя назвать?!

На мгновение потеряв способность говорить, словно задышавшись одновременным удивлением, маленькой личной победой и радостью, судорожно он перебирал в уме русские имена... Но назвал то, что пришло в голову первым:

– Иван!

– Иван?!

– Да!

– Но почему именно Иван?! Это же так... просто?!

Не сдерживая счастливой улыбки, он вдруг вспомнил, что такое головокружение от простых бессмертных чувств под названием «любовь», но продолжил стоять на своём в ответах ей:

– Назови меня Иван.

– Уверен?

– Да!

– Хорошо. Как скажешь...

Мысленно девушка противилась: «Ты видел себя в зеркале?! Ведь совсем не русский Ванька!» ...Но несмотря на протесты, она всегда признавала его правоту. Так и сегодня:

– Хорошо. Пусть будет Иван...

– Да, нормальное имя! Мне нравится, – отреагировал мужчина, давая понять, что это совсем не важно – как она его назовёт!

Какая разница, что подумают люди?! Никому и ничего не суждено распознать! Он мужчина, живущий под разными именами, который при знакомстве с ней так же был представлен чужим именем. Мечтающий разбудить её душу, он был готов играть любую роль столько, сколько необходимо, чтоб добиться всецелого, неоспоримого, главенствующего чувства, поскольку знал, на что способна она в любви.

Лгал, прикидываясь русским.

Вот и сейчас находился в Лондоне, пока она совершенно точно размышляла о российской северной столице, набирая запомнившийся питерский номер телефона.

День ото дня он ждал этого звонка. Всё это время обращаясь с телефоном так, словно то была не цифровая техника, а что-то святое. Он не позволял его касаться никому другому. Следил за тем, чтоб сигнал был постоянен и доступен.

Минул год, и – осуществилось!

Едва унимая нахлынувшие эмоции, вместе с тем, воодушевлённый вестью о ней, зрелый мужчина вновь почувство-

вал себя влюблённым юнцом. Не в силах более томиться затянувшейся тишиной, призвав на помощь всю галантность, какая была ему дана с детства, он вновь поддержал короткой, но заботливой фразой:

– Рад, что у тебя творческий подъём!

– Спасибо. Не совсем подъём... Я около года просто собирала воспоминания в дневник. А потом в один прекрасный день их перечитала и поняла: это роман.

Чувствуя каждой стрункой души всю противоречивость её состояния, он переживал. Как ему хотелось помочь!

Но нельзя.

Вынужденно разыгрывая спектакль, ненавидя собственную немощь перед сильными чувствами к ней, когда-то он покинул эту девушку, отчаянно пытаясь утешиться мыслью: «Главное, что ты просто есть! Здесь. Сейчас. А твоё сердце – бьётся...»

Оба умолкли, жадно слушая тишину, но не решаясь распрощаться.

– Я не спросила. Ты, наверное, занят? На работе?

– Да... на работе.

– Я не вовремя? Неудобно?

– Нет, всё в порядке. Не переживай! Я рад тебе! Возможно, в Москву прилечу на следующей неделе. И позвоню. Хорошо?

– Хорошо.

– Возможно, встретимся?

– Хорошо...

Ну почему она так сдерживает себя?! Что за чертовщина! Сколько в ней скромности! Где её былая, но совершенно лишённая пошлости искренность?! Он так хотел услышать простые признания: «...хочу видеть тебя... хочу обнимать тебя... Хочу! Хочу! Хочу...», точно зная: она думает об этом, но подавляет себя, загоняя в рамки приличия и этикета.

К чёрту этикет! Когда дело касается двоих – гордость мешает, не согревает. Но девушка вновь выразила эмоции, старательно скрывая внутреннюю бурю со свойственной воспитанностью:

– Буду рада встрече!

– И я тоже...

– Ну тогда пока?

– Пока. Я позвоню.

– Хорошо...

Заведомо зная: не позвонит, даже если прилетит.

Нельзя.

Положив трубку телефона, в полусознанном состоянии она начала бродить по квартире, вновь и вновь прокручивая долгожданную, но такую короткую беседу. Наполненная удовлетворением, девушка улыбалась, ликуя, нащёптывая себе под нос: «Так и знала! Он не будет против... Поразительно! И вновь в нём не разочаровалась... Как такое возможно?! Таких идеальных мужчин не бывает... Как его не любить?!

Как его можно забыть?!»

Уверенность в солидарности её решения – придать некую публичность самому сокровенному – появилась не сразу. Но, несомненно, испытывая спокойную отраду, она совершенно верно постигла: он поддерживает её во всём. И даже в этом, когда о личном по секрету, но всему свету. Ведь творчество стерпит всё. Не ошибалась, тонко чувствуя душой.

Во время искромётного разговора с ней мужчина испытал дежавю. Зная о том, что она ведёт дневник, пишет стихи, он не мог вообразить о создании литературного романа!

«Интересно, что может получиться... Ведь огромная ответственность! К тому же, если это роман о любви, то он отнюдь не лишённый смысла... Как она раскроет внутренний мир главного героя, если ничего не знает обо мне?! Выдумывать? Но это так не похоже на мою маленькую девочку... Идеализировать? Вернее всего!.. Мой юный мечтатель. Но если б только знала всю правду о том, кто я есть, что б с ней происходило?! Страшно представить... Хорошо, что не открылся. Берёг, берегу и буду беречь... Возможно, ещё настанет время, когда мы сможем говорить совершенно откровенно...» – размышлял он, слоняясь из угла в угол по собственному кабинету, который в мгновение ока показался душным и тесным, несмотря на огромные пространства и большие винтажные окна, украшенные прозрачными каплями дождя. Немедля ни секунды, он взял пиджак с оббитой чёрным бархатом кушетки и направился к выходу, надевая его на ходу.

– Я отлучусь на пару часов, – молвил он озадаченному секретарю, не привыкшему к неожиданным выходам босса. – Да! И мне не хотелось бы никого слышать или видеть. Придумай что-нибудь на экстренный случай. Для всех я занят.

Он направился на Портобелло Роут, улицу, ставшую любимым местом для прогулки с той поры, как увидел этот сон.

«Главный герой с тебя...» – назойливо крутилась сказанная ею фраза в его голове, вызывая к желанию прийти к ней на подмогу... Но вновь стопорил собственные порывы. Медленно прохаживаясь вдоль цветочных лавок, на мгновение он застыл у бело-алых роз, тех самых, что из сновидения...

Вдыхая тонкий аромат нежных, но колючих цветов, мужчина вновь окунулся в воспоминания, отчаянно пытаясь перебороть желание взять билет на самолёт, прилететь в Россию и решить разом все размолвки. Но поступив так, он рисковал выиграть лишь этот бой, но не войну за её любовь...

У него есть время, и он будет сражаться за неё до самого конца.

Глава первая

XV век. Помолвка

Милена дала отказ. Обескураженный и удручённый, Влад осознал: любая девица знатного рода мечтала о помолвке с титулованным женихом, но Милена была непреклонна в выборе своём.

Целомудренная, она готовилась принять постриг и стать невестой Господа. Дочка боярина, так тщательно почитающая закон Божий, благочестивая душой и невинная телом, она обладала светлой и нежной, как весенние лепестки роз, кожей. Её невероятно большие сияющие глаза были бездонно чистыми, глядя в них, Влад робел и, не выдерживая волнения, отводил взор. Присутствие возлюбленной могло смутить его до глупой улыбки, но вместе с тем исцелить от ран душевных.

«Та, о которой пел Соломон, – подлинная дева, о какой мечтают сотни мужей. Но какова судьба?! Одна, кого так хочу, и собирается провести век свой в монастыре. Ум её острый, да не осквернён гордыней. . . Безукоризненно сильна духом, но хрупка телом. Непорочна. . .» – размышлял он, более всего беспокоясь о чувствах и разумениях возлюбленной. Ни сладкие речи, ни богатства не прельщали девицу, сердце её жило добродетелью. Даже высокий титул валашских воевод

и воспитание рыцарского ордена Драконов, обязывающие с малолетства к наивысшему долгу пред народом, его обходительная повадка не действовали на избранницу Дракулы. Милена стойко держалась поодаль. Князь применил всё обаяние и благородную сноровку, какая была вложена в него со времён, когда он был ещё отроком.

«Высока ответственность в выборе будущей княгини земель Валахии! – вспоминал он наставление отца. – Девушка должна быть тверда духом!» Уразумев это, князь ещё более утвердился в выборе своём: воля, какой была одарена его возлюбленная, напротив, лишь умиляла ум, окрыляя сердце, искореняя любые сомнения. Продемонстрировав отказ, Милена явила то, чего он и не чаял встретить – бескорыстие и добрую, чистую, но решительную природу. Красота в ней возбуждала и дурманила рассудок, а правдивость нрава девушки безжалостно истребила любые подозрения в малодушии. Полюбил! Всем сердцем полюбил! Возжелал. Всею плотью возжелал! И бредил ей, не в силах уснуть ночами. Он мечтал пережить с нею таинство венчания, разделить супружеское ложе, окружить лаской и согреть в нежных объятиях.

Казалось, она пылает взаимностью, едва сдерживается, но всё же упорно сопротивляется пойти навстречу собственным чувствам.

Милену влекло к молодому князю неспроста – он был безукоризненно красив: ладно сложенный, волосы его черны словно смоль, локоны спускались до плеч, но взор зелё-

ных очей был проникновенно печальным и мягким, задумчивость их могла легко вскружить голову не одной юной девице. Речи его ладные звучали, подобно ручьям, умиряя нрав и успокаивая слух. Любопытный во всём, он был немногословен, но честен, не циничен, но искусен в описании прекрасного, не навязчив, но тактичен вниманием. Однако не красоты мужской и повадки рыцарской сторонилась набожная дочь венгерского боярина, более всего она страшилась участи наследников княжеского рода, ведая о судьбе самого Влада, пленённого в малолетстве и добровольно переданного родным отцом на воспитание в войска среди янычар при дворе самого страшного врага земель Валахии, Молдавии, Венгрии и всех окружающих княжеств – султана Османской империи.

Милена сопротивлялась, отдавая предпочтение благочестию и предназначению служения Господу.

Обхаживая возлюбленную с присущим для турок упорством, терпением опытного лазутчика и рыцарской галантностью титулованных мужей ордена рыцарского, Влад не сдавался. Отступить боле некуда – отпрыск княжеский и мысли не мог позволить, чтобы покинуть ту, от которой дух перехватывало.

Минуя некоторое количество терзающих разум дней и бессонных ночей, он вновь испытал счастье встречи с нею. В непогожее воскресенье князь Влад прибыл к боярскому двору окрест поселения пригорода Сучавы земель Русо-Влахии.

Дождь прекратился, но вокруг было сыро. Местами грязь, затопленная лужами, обратилась в тягучую кашу. Аккуратно вышагивая по сырой траве, молодой князь поймал себя на мысли, что его слишком сильно заботит опрятность вида. Словно слякоть, что мешается под ногами, способна запятнать впечатление о нём самом в глазах возлюбленной его. Стыдливое мальчишеское чувство кольнуло внутри, и тут же он решил не придавать этому большого значения. Решительнее ступая, он добрался до входной двери арендованных боярских хором и уверенно постучал о засов. Открыли не хозяева.

– Отбыли к утренней службе и там и остались, – кланялся прислужник. – Обещали вернуться к полудню.

– Я подожду.

– Желает ли князь войти?

– Нет. Благодарю. Подышу воздухом.

Терпеливо дожидаясь возвращения возлюбленной из монастыря, молодой Дракула слонялся по садовым тропам, густо поросшим ярко-зелёной травой. Среди этих сочных зарослей лишь только местами проступали то белые, то алые розы, словно мерцающие звёзды в небе. Видно было, что за ними ухаживал не садовник, а мягкая женская рука. Они не были острижены, но бережно выполоты и подвязаны к тонким тёмным деревянным прутьям. Отчего-то пытливый ум Влада вернулся мыслями к Милене. Вспоминал он, что на руке её увидел однажды неглубокую царапину. Поспешив оправ-

даться, она в той встрече присела в реверансе, разъяснив: «Поранилась о шипы роз...» Тут же ему хотелось расцеловать эти руки, сердце трепетало, а лик его искажала мечтательная гримаса, мерещилось: ещё чуть – и разум помутится лишь от одних мыслей о поцелуе с нею. Мгновеньем позже, не без глубоких усилий, Влад прогнал эти состояния, лишь бы совладать с собой.

Вечер близился. Наконец свершилось: Милена с матушкой и отцом вернулись домой. Когда она спустилась к нему в сад, сумерки едва настигли землю. Завидев желанную деву, князь пылко пал перед ней на колени, не откладывая более с признаниями, горячо зашептал, умоляя:

– Прошу вас! Не отрекайтесь от мирской жизни... Разделите её со мной – в жизни супружеской, в венчании пред Господом!

Потрясённая прямым натиском, девушка боязливо отшатнулась от него, точно от огня, но тут же успокоилась, застыв на месте. Едва сдерживая возмущение, она сдавленно молвила:

– Но я не могу... Мой дом – Храм Божий.

– Храм во храме – это семья. Если муж верует в Господа, то он защищён самим Господом. Супруга его венчанная, Богом предназначенная, защищена и Богом, и мужем. Наш брак будет благословен духовно. Моя Милена, вы не нарушите обет, ступив во храм семьи. Мы вместе будем служить Господу, явив семью как священный Грааль.

– О, князь мой! Вы не ведаете, о чём просите... Я не смею... Обет дан. Я невеста Христа...

– Не верю, что наказуемо. Любовь и есть Бог! В вас всё! Но главное, в вас любовь! – Взывая душой о помощи божьей, Влад не отступал, словно непререкаемо ведая, что это юное создание предначертано лишь ему одному свыше. – Милена, моя дорогая, единственная Милена! Мир создан для двоих, вы... именно та! «Уверенно сердце моё, воздающая добром, а не злом, крепость и красота одежда твоя и весело смотришь ты в будущее, выбирая путь свой...» Так не будьте лукавы пред душой своею! Ответьте себе сами: чего же искренне желаете?!

Вдумчиво вглядываясь в выражение её глаз, какие наполнились подающими надежду мыслями, Влад не упускал шансов биться за неё, чтобы дальше молвить словом библейским. Оттого Милена мгновеньем покрывалась дрожью: ударял изречениями метко в самое святое, самое сокровенное, самое тайное желание. Ей чудилось, что он глядит прямо ей в душу! До чего хорош в речах, но главное – искренен!

– Уста свои открываешь с мудростью и кроткими наставлениями... И цена – выше жемчугов! Не отвергайте руки и сердца, коли чувствуете любовь. Отрекитесь от пострига, но станьте женою добродетельной. Я люблю вас! Будьте супругой моей княжеской, и мы станем едины! Храм семьи во Храме божем лишь с вами. Жена, боящаяся Господа, достойна хвалы... Разумная жена – от Господа. Послана Гос-

подом. Послана для меня, словно агнец божий в моей жизни! Я верую в это! После... После долгих лет мученических заточений и битв. Душа моя радуется, когда я вижу вас! С вами мир чувствую в душе, в разуме. В сердце. Мечтаю я жить миром... Семьёй!

– Притчи Соломоновы! – отозвалась взволнованная дева. – Но обет дан!

– Притчи о жене, что послана мужу. Как и он ей. Помощник в богопознании через ближнего. Когда Господь привёл Еву к Адаму, тот сказал: «Вот эта кость от костей моих и плоть от плоти моей. Она будет называться женою, ибо взята от мужа своего. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей. И будут два – одна плоть. Семья – и есть храм! Нужно лишь венчание!

– Венчание. Таинство, в котором Господь даёт благодать чистого единодушия для жизни в верности друг другу, где одна душа на двоих. Две половины одного целого! Только так я уразумею. Для меня сочетание венчанием – это священный союз. Князь мой, веруете ли вы в то, что я и есть плоть от плоти вашей?! Не признаю я ни единого позыва искушённого. Греховно оно. Лишь супругу своему, наречённому Господом, принадлежать должна женщина, а коли нет его – то Господу! Нет любви чище, чем рассказывают священные писания. Песнь Песней: «Положи мя, яко печать, на сердце твоём...»

– Яко печать, на мышце твоей: зане крепка, яко смерть,

любовь! – восторженно подхватил Влад, оттого шаг свой замедлив, с умилением взглянув на любимую, полную тревог и ожиданий. – Я верю! И обещаю, что буду заботиться о жене как о теле своём!

Князь умолк, тонко внимая синим глубоким глазам возлюбленной, которые дрогнули нерешительностью. Мягко скрепив её ладони, он поднёс их к губам, ласково укрыв поцелуем, тихонько прошептал:

– Так поверьте мне!..

С растроганностью дева, готовая к постригу, отыскала в женихе не только образованность высокую, душу чувствительную, но и богобоязненность с глубоким познанием о законах мироздания.

Влад, жадно внимая всем состояниям жестов и молчания, узрел и страхи в ней.

– Что мучит вас? Откройтесь мне?!

– Иное... Мучит. – Милена застыла в нерешительности. Помедлив, в нетвёрдой и едва заметной манере она отшатнулась назад.

Князь тут же отпустил руки её. Обернувшись спиною, точно захлёбываясь собственными тревогами, она съёжилась, не в силах держаться боле гордынею высокого такта, душа её стремилась раскрыться пред любимым в признании. Она прикрыла грудь верхней бархатной накидкой, верно тем пряча озноб от волнения и от холода познаний участи юности Влада. Тут же князь подхватил ткани, бережно помогая ей

укутаться.

– Застыла совсем.

Милена молчала.

– Стемнело и, похоже, пора в дом. Но... Прежде чем вы позволите вас проводить... Смею ли я надеяться?! – угрюмо молил влюблённый князь, покуда душою совсем не желал её отпускать.

Дева вновь обернулась к нему, нарочно не слыша тактичной заботы, она, примкнув ближе, решительно молвила, сверкнув бесстрашием в глазах, точно ведая, что прямота пуще солнца просвещает истину, подвергая испытанию подлинность любого чувства:

– Став княгиней, я вступлю в ту пору, когда нужно будет разделить удел княжеский. Но устрашает меня доля наследников. Где отец и мать должны отдать врагу собственное дитя во благо мира княжества! Я не смогу так поступить!

Не рад был, но ожидал Дракула тех сомнений. Перевёл дух.

Держать ответ, какой уготовил давным-давно, всё ж надо было. Не с тем, чтобы усмирить боязнь её. Не терпел сам лукавства и видел: пред нею лгать невозможно. В Милене хваткая наблюдательность дружила с тонкой прозорливостью. Нельзя лгать тем, кого любишь! Да и шибко хорошо ведал князь врага своего, который подобно змее, смерть несущей, выслеживающей яйца птенцов, нещадно творил безбожие.

– Мы были дружны с Мехмедом. Но...

– Что?!

– Султан покончил с обычаем янычар.

– Только не лгите мне! Что, если он передумает?! Может родиться наследник?! Что тогда?!

– Верь мне. Мы были юны и сражались вместе. – Волнение захлестнуло князя, выплеснув все потаённые в глубинах тревоги, явив их наружу перед ликом женским. Её глаза – от них ничего не сокрыть!

– Правда? Но если всё же это случится?

– Пока бьётся моё сердце, я не отдам туркам ничего! Но боле всего меня тревожат чувства ваши! Любите ли вы меня? Ведь если то и есть любовь – Господь на нашей стороне.

Смущённая, она с трудом дышала.

«Как можно совладать с собою?..» – мольбами зывала к небесам, металась, затаив дух в колющем холодом молчании, пока князь Влад не сводил пристальный взор с той, о ком ночами бредил. Не унимался он!

– Мила, если любите, верьте мне!

Нерешительно девушка взглянула на него, встретив ответом отчаяние зелёных пронзительных глаз. Но вмиг всё в них поменялось надеждой. Так же быстро, как одна только мысль захлестнула любовью Милену, а Влад... поймал этот взгляд! Теплом и пробудившейся страстью к жизни зарделось где-то внутри женского тела, отчего руки её дрогнули, во рту пересохло, а сердце, казалось, выскочит из груди. Впервые в жиз-

ни она почувствовала зов плоти неистово сильный. Влечение, с каким может сравниться лишь вода, падающая вглубь водопадом. На миг ей почудилось, что в округе нет никого, кроме них, почва плывёт под ногами, отчего становится всё труднее удержаться. Подхватив её в крепкие объятия, Влад ласково повторил:

– Любите ли вы меня, Милена?!

– Да! – сумела горячо шепнуть она в ответ, не желая более лукавить пред собою и пред ним.

Возвышенной радостью наполнилось сердце его. Не в силах ждать, он накрыл её губы поцелуем, трепетно сжимая хрупкое тело её в объятиях своих.

Совсем не осталось расстояния между ними. Они обнимались долго, обнажая пред друг другом искренность порывов.

– Будь моей женою! – в нерешительной ласке шептал Влад, покрывая её щёки, веки, губы поцелуями, пока юная Милена с жадностью открывала в себе новые, дотоле не изведанные чувства страсти.

Она страшилась гнева божьего. Душа раздором смятенный пела нотами высокого долга княжеского, предназначения господнего и истиной любви человеческой. Той самой тёплой любви от прикосновений, которая неизменно влекла к одному – к ложу супружескому.

«Неприменно... Да! Но не сейчас...» – приказала себе сама, отстранившись от горячих объятий любимого, но всё так же трепетно глядя ему в глаза.

С трудом найдя в себе волю остановиться, отпуская нежные и горячие объятия, лишь бы усмирить порок плотский и не навлечь позор на любимую, каким осуждает толпа нечестивых дев, поддающихся любовным утехам до венчания, князь молвил:

– Мне пора отпустить вас. Прибуду за ответом.

Ласково подхватив под руку, он подвёл Милену к дому. Напоследок поцеловав руку её, оставил послевкусие нежности касаний, молвил:

– До завтра, моя возлюбленная!

* * *

Ночью Милена не сомкнула глаз, всё раздумывая.

Когда они познакомились, Влад был представлен как сущий воин крестовых походов, мужество его вдохновляло и наводило страх на целые войска, рыцарь и наследник Валахии, перед которым трепетали цари и люди. Милена прониклась дерзким любопытством – разглядеть того, пред кем дрожал мир вокруг. Но увидев внимательный лик князя наяву, она не нашла в нём ничего устрашающего. Пред ней стоял открытый человек, имеющий взор мученика, удивительно тонко чувствующего происходящее, на долю которого выпали недюжинные испытания рабством, пытками, казнями. Надрывный взор, повинный в том, что познал он вкус пролитой крови, глаза, взывающие о покаянии в кровавом прошлом,

но вопреки желанию очистить душу пред Господом в нём читался смиренный долг нести крест свой до скончания дней.

– О чём вы мечтаете? – спросила она его тем днём, сбрасывая фразой надменность, переходящую в раздумья.

Ещё давеча Милена полагала, что ответ его станется пред-рекаемым – от чувства правления высокого и желания власти. Но каково было её смущение ответом: «О мире!». Она почуяла радость в тот момент, прониклась интересом и состраданием.

Каким был его выбор?

«Убей или убьют нас всех!» – твердили в округе.

«Стань лучшим! Получишь милость и поддержку султана!» – нашёптывали с одной стороны, но с другой – требовали верности венгерскому королю. Всё то пела элита при дворе, до титула рвущиеся со времён, когда она была ещё маленькой девчушкой, в том возрасте, что позволял запомнить принятые правила.

«Каков путь?» – мыслила она вновь и вновь в одиночестве у раскрытого окна тёмной комнаты. Дрогнет рука Влада пред одним, взамен покарают других невинных душ. Юная, чистая, непорочная, разумная, она тяготилась мыслями о нём. От бесконечных кровопролитий, должно быть, душа его изнывала, а потому где-то глубоко в очах его она прочла страдание и муки, от которых не было спасения. Лишь в любви... В ней нашёл он то священное пламя избавления – в любви и доверии, желании стать отцом, прожить оставшиеся дни во

благо.

Светало. Тёмное небо едва подёрнулось голубой рябью лёгких перистых облаков, а откуда-то с гор потянуло тоненькой струёй кристально чистого прозрачного воздуха. Слегка задремавшая, Милена очнулась от раздумий, погруживших её в забвенье. Вялое тело покрылось ознобом телесным, не замеченным ранее, от разума, заполненного размышлениями терзающими. Только сейчас, когда так много передумано, она вздохнула спокойствием, увидев раскрывшуюся красоту рассвета, заморозившего взор. Где-то вдали слышалась первая трель соловьиная, а на макушки густых деревьев, покрывающих склоны расступившихся пред долиною гор, опустилась дымка призрачного тумана. Густые краски небесные растаяли, заиграв переливами первых лучей солнца.

В последний раз наглядеться в одиночестве на виды земли родной – уже к вечеру она даст согласие и станет супругою, венчанною князю своему, и позабудет о девичестве, разделив жизнь и удел с мужем любимым. А пока – вдоволь надышаться бы с возвышенным чувством раскрывшейся радости на душе. Не одинока боле, её ждёт половина, Богом вверенная.

На следующий день Милена дала согласие, получив благословение родителей и духовенства.

Венчание назначили тут же, в маленьком храме при дворе князя Молдовой Алексэндрела, чей отец был братом родным матери Влада, княгини Василики. Торжество играть бы-

ло решено следующим месяцем после поста, в пору светлых празднований священных.

* * *

Коротая дни помолвки, влюблённые встречались всякий раз, как Влад был волен в личном времени. Вместе они наслаждались чтением книг, прогулками в саду, тёмными вечерами наблюдали звёзды в небе, две из которых, верно, падали с небес, устремляясь ближе к горам земным. Милена смиренно приняла участь свою – стать опорой во всём возлюбленному князю, уверовав в предназначение великой свершившейся любви, пред которой беспомощна даже сама смерть. Зачитываясь библейскими песнопеньями, влюблённые мыслить забыли о жизни в неведении друг о друге. Любовь вечная. Более ничего не властно в мире. Ничто не спасает душу человеческую, как сама любовь, которая и есть Бог.

– Это персидская поэзия, – ласково шепнул Влад, наблюдая за ликом любимой. Взор её вдруг наполнился светлыми слезами, которые она неуклюже пыталась скрыть, часто прикрывая веки.

– Невероятно! Эти стихи... Они потрясают! Великолепный слог и смысл каков!

– Позволь, я прочту их полностью для моей возлюбленной: поэт Мавланá Джалал ад-Дин Мухаммад Руми́.

*Зачем нам различать эту и грядущие жизни,
Если мы родимся вновь...
Зачем разделять то, что было и будет,
Зачем забывать нашу прошлую жизнь...
Клянусь и грядущее нас не погубит!
Ты только за душу покрепче держись...
И в этой, и в прошлой, и в будущих жизнях
Мы были и будем с тобой всегда!
И пусть исчезают эпохи и люди,
Моя ты навеки, моя ты жена...
Пусть ветер нас гонит к разлуке толкая,
Пусть дом наш с тобой затерялся во снах
Сквозь призму судьбы на ушедшее глядя,
Друг друга мы встретим в грядущих веках!*

– Я тронута до глубины души... Всё, о чём твердит Песнь Песней, в малой рифме!

– Может стать клятвой...

– Давай возьмём его для венчания?!

С умилением преклонившись пред Миленою, князь ода-рил поцелуями руки её.

– Великолепно!

– Кем же была любимая этого философа?!

– Право, ведать, кем она была, любопытно. Но мы уж не узнаем этого. Важнее познать самих себя. Знать, кто мы, – молвил Влад, провожая возлюбленную присесть на широкое кресло большой читальной комнаты. – Хочу познакомить те-

бя с родом своим.

Он развернул на массивном дубовом столе старинный свёрток, потемневший от времени. Но рисунки его сохранили яркие очертания родословного древа, явив предков – правителей.

– Это мой дедушка, Господарь Мирча чел Бэтрын, он добился процветания Валахии и укрепил христианство... А вот прадед из рода правителей Басарабов, его звали Раду. – Влад умолк на миг, понуро осунувшись, словно окутало его забвение, в котором безвольно водил он перстом по холсту. Мягкие черты лица его вдруг обострились, уголки губ узкой нитью потянулись вниз, а взор застыл. – В его честь назван мой младший брат.

– Где он сейчас?

– Нас отдали вместе туркам. Он среди янычар... Султан оставил его.

– Для чего?

– Для поверки моей.

– Поверки?

– Чтоб оставить Валахию в своей власти. Не венгерскому королю...

– Что будет с ним, если случится переворот?

– Нельзя это допустить, коль вернусь к власти – того не будет.

– Раду заберёшь?

– Не знаю. – Князь вновь отвердел взором своим, так,

словно умалчивал о тяготах душевных.

– А если ты станешь не угоден и султан пожелает сделать наследником твоего брата?

– Если Раду вернут – приму его, как подобает принять наследника законного. Мы Басарабы, потомки Токтемира. Он был ханом половецким. – Влад обвёл пальцем верховную часть вьющейся нити родственных уз на разостланном поверх изображения, добавив: – Мы будем править вместе. Как мой дядя и отец Алексэндрела.

– А позволит это султан, если пожелает его оставить на Валахии?

– Я не отдам то, что принадлежит нам, туркам. И не им это решать. Мы будем договариваться.

Милена взглянула на него богобоязненно и одновременно восхищённо, промолчав в ответ, устремилась за жестом возлюбленного, указывающего на новый виток рода, изображённого на полотнище.

– Мой отец. Влад Дракул Второй – от него я унаследовал прозвище. Его не стало, когда я служил султану.

– Что случилось с ним?

– Это мне предстоит выяснить, когда вернусь в Тырговиште. Он и Мирча, мой старший брат и наследник, они умерли в один день.

– В один день?! – С содроганием Милена услышала в признаниях жениха потаённый смысл. «Убиенные», – крутился в её душе ужас, отразившийся на лице. – Боже, Влад!

– Я прознаю всё. До самых сокрытых тайн. И если они были погребены не с почестями... Велю исправить. Но прежде...

– Что?!

– Прежде мы должны пожениться. Здесь я обрёл покой. – Влад мягко положил ладонь на грудь свою, поклонившись пред невестою. – Благодаря тебе.

– Не уворачивайся от ответа! – Желанный флирт отразился улыбкою на свежем лице юной невесты.

– Я должен защитить тебя и княжество. Но прежде хочу, чтобы вы, моя возлюбленная Мила, стали моею женою!

Мгновеньем позже он сжал невесту в крепких объятиях, ненароком покалывая её нежную шею едва отросшей бородой. Задыхаясь в вожделенном жесте, робкая Милена закрыла глаза, закатившись счастливым смехом. Но вдруг резко оба замолчали... Дрожащая, она замерла подле него, разругнулась, смутилась и слегка подалась всем существом своим в объятия его. Влад начал страстные поцелуи... Жар овладел их телами, закружив неистовой лаской прикосновений. Милена едва не потеряла сознание, на мгновение обмякла в его руках. Подхватив хрупкое и нежное создание, Влад уложил её на кушетку, продолжая трепетные касанья.

Но внезапно одумавшись целомудрием невинности, стыда и греховного порока, неловким любовным запретом Милена остановила князя. Продолжая проникновенно глядеть друг другу в глаза, горячо дыша, влюблённые молчали. Чувством

долга и смирения, не произнеся ни единого слова, кроткая невеста удержала пыл, а князь Влад – укротил собственный порыв, поняв возлюбленную без слов. Краснея, извиняясь, точно нашкодивший ребёнок, он поднял любимую, бережно придерживая её за руки, ласково поправил оборки юбки.

– Я никогда не сделаю ничего, что может быть против доброй воли или причинить боль, или опорочить твоё имя, потому что люблю тебя...

Стыдливый багрянец украсил щёки невесты, когда она, едва дыша, нашла в себе силы ответить:

– Благодарю, мой Влад, что остановились. Жду брачной ночи. Теперь без страха, но с любовью... – молвила она и исчезла с глаз прочь.

Взволнованный, горячо влюблённый молодой князь не мог найти себе места от счастья! Схватившись за голову, воспрявший и возбуждённый, он выбежал в сад, вдохнул глоток свежего воздуха и бесцельно мерил шагами его цветущие окраины ещё некоторое время, внимая импульсам тела и беспрестанно молясь, и сияя блаженной улыбкой.

* * *

Ночь накануне венчания Милена не сомкнула глаз, всё думая о неистовой силе, с какой тянуло к Владу. Вспоминала взор его. Огромные зелёные проникновенные глаза, в которых сочились бедствия пережитых мучений турецкого пора-

бощения и битв. Но лик его преобразался в миг, когда он видел её. Порой отчаянно краснея, неловко сдерживая порывы страсти своей, но оттого ещё более хмелел и лицо его разглаживалось счастьем, глаза светились любовью, и он становился совершенно другим.

Следующим днём они обвенчались...

Глава вторая

Месяцы спустя

Князя не было уж которую неделю, когда супруге его стало дурно. Не припоминала Милена, как очутилась в покоях, придя в себя на ложе княжеском промеж покрывал разостланных, утопая в перинах мягких средь бела дня.

– Лежите! Нельзя вам.

– Но я не больна?! Как я здесь?..

– Не помните? Вы упали без памяти... в саду. Бережно надо теперь.

– Так я не усердствую... Немного закружило голову и...

И впрямь в забвенье... Молодая княгиня вглядывалась в лицо говорящей бабушки, подле которой постоянно крутился лекарь.

– Кто вы?

– Дитя, что носите под сердцем, беречь надлежит, – сказала незнакомая низкорослая худощавая, седовласая крестьянка, с глубоко посаженными глазами и орлиным носом, по всему видно, не то целительница, не то цыганка. – Простить изволите, я приемница. Средь людей просто: пуповязница.

И поклонилась пред княгинею почтенно.

– Что вы сказали? Дитя?!

– Да, милая! Дитя! Понесли вы.

Милена выдохнула, не разведав, чего более в чувствах: радости долгожданной иль боязни. То, что случилось, было неизбежно священным предназначеньем венчанья да ласк любовных, сокровенным чаянием Влада и Милены. Но обоих тяготило неведомое будущее их первенца, которого они поклялись защищать до кончины дней своих. «Мальчик... – прониклась раздумьями молодая княгиня. – Верую, что во мне мальчик... Чувствую иль просто знаю...»

– Нужно сообщить Владу... Не медлить! – твёрдо молвила она подданным, окружившим её, и обратилась к повивальной бабке: – Что мне ещё надлежит сделать, чтобы малыш родился здоровым?

– Оберег носить.

– Только крест.

– Пускай крест. Опоясать себя нитью Богородицы. Сохранит Господь. Всё будет хорошо. Теперь особенная – непохожая на других не только плотью, близкая к пределу, разделяющему жизнь и смерть. Это священо. Мала телом, да напряжена весьма. Покой нужен. Прикажете набрать лепестков роз, фиалок. Конфеты из них принимать будете, если замечу такую же твердь, как сегодня. Они утробу мягчат. Но не переусердствуйте, ешьте те конфеты только тогда, когда я велю, когда живот твёрд и болит, дабы не потерять ребёночка. Покой нужен.

В сей же день гонцы отправились в лагерь князя Дракулы, разбитый подле границ с Валахией, где Влад обучал добровольцев ремеслу воинскому, укрываясь в горах, густо поросших лесами глухими, под видом охотничьего пристанища, на котором дичь мелкую и крупную ловили с соколами, гончими и лошадьми. То было брата его двоюродного место – бывалого князя молдавского Алексэндрела края Цара Молдовей, что нарекали ещё Русовалахией, оттого что близ границ русских. Алексэндрел дал им покровительство и устроил венчание. В благодарность Влад принял командование, и отбирал он воинов лишь тех, что выдерживали испытание мужества при охоте копьями с близкого расстояния на кабана или рогача, а то и медведя. Но теперь власть в Молдовей сменилась. Угнетали мысли оттого. Любой труд, какой зачинал князь Влад Дракула, был наполнен мыслями о пути к Валахии, ради благостного процветания княжества и семьи его собственной. Ночами, томясь мечтами и воспоминаниями о супруге, он сочинял ей любовные письма. Иногда, пора, когда князь думал лишь о возлюбленной своей, сменялась долгом, данным от роду, где Влад Дракула призван волей божией служить народу. Законный наследник Валахии, он не смел иметь отрицания участи к возврату господарства, а напротив – стремился ко времени вернуть господство. А

пока Влад в изгнании, укрывается от недругов, погубивших отца его да брата старшего, здесь – среди лесов Русовалахии, тщился укрепить позиции свои на правлении да союзников найти среди родственных уз. По всему видно: братья молдавские готовые помощью ему подсобить – убежище подали.

Тревожили думы: как настичь время похода в Тырговиште, чтоб власть вернуть? Как врагов внутри Валахии усмирить, дабы не повторилось убиение более, как случилось с отцом его?

Той ночью князь Влад велел оседлать коней и тайно покинул пристанище Алексэндрела, направившись к южным границам родного княжества. Так что гонцы от княгини Милены не застали его.

– Лошадей в предгорье оставим. Войко и Димитр, за мной. Николай, отведи лошадей к пастухам и жди нас.

– Когда?

– Второй ночью.

– Куда путь держим?

– К местам захоронения Мирчи и отца моего.

Набожный трепет сверкнул в очах Войко. Не желая скрывать опасений и явно ведая о том, как шибко не приветствует друг княжеский криводушие, предпочитая истину, Войко Добрицу смел правду пред ним сказать, увещевая предостережениями о суеверии людском.

– Влад, не малодушие это, но люд проклянёт тебя. Нарекут колдуном... если прознают.

Верный слуга Влада, серб по происхождению, Добрицу был пленён вместе с Владом турками, – единственный, кому мог верить князь, проверенный в бою, в плену, в гонениях. Тот, что стал ему не просто верным другом, но лицом доверенным. Потому Дракула спокойно ответ дал:

– Об этом никто не должен знать. Но не будет мира там, где завёлся изменник. Я должен раскрыть тайну смерти отца и брата.

– Но могилу осквернить...

– Могилы оскверняют воры. Мне нужны доказательства. Единовременная кончина – это гибель не по божьей воле... Оттого я преодолею любые суеверия и страхи, но нечистых раскрою. Даже если меня нарекут сыном дьявола!

Глядя на верных духом и делом воинов, Влад умолк, немедля пришпорил лошадь и рванул в мглу ночи. В мгновение преданные всадники настигли его, более не питая противоречий, но подчиняясь.

Они прибыли на пастбище и разделились. Обученный турками, Влад не запомнил манеры лазутчика. Он пересёк предел княжества меж Молдовой и Валахией незамеченным, облачившись в шкуры. Князь, Войко и Димитр прикинулись овцами, отбившимися от стада и блуждающими в кромешной ночи. Окрест пастушьих привалов княжества родного князя ждали монахи ордена Дракона с готовою едою, чистою одеждою и сытыми конями. Под видом иноков они двинулись на запад, ближе к центральному Тырговиште. Минуя

погружённые в сон безлюдные окрестности поселений пригорья, окутанные мраком темноты и поздней тишины, князь в сопровождении воинов верных достиг усыпальницы рода Дракул вблизи монашеского поселения Тисмана, раскинувшегося высоко на холме. В низменной дали поблескивали огоньки тлеющих лучин оставшегося недосыгаемым торгового купеческого города. Казалось, в округе нет ни души. Птицы и звери точно притаились, побаиваясь мглы ночной, испуганно слушая тихое хриплое ржание двух кобыл, доставивших путников к месту. Влад спешился. Застыв в опечаленном раздумье, он так стоял ещё в некоторой отстранённости, собираясь духом. Дело, какое он вознамерился совершить, вызывало дурные предчувствия, душевные угрызения, но не терпело отлагательств. Окружив повелителя, воины безмолвствовали, ожидая решения. Неспешно Дракула подошёл к стенам мужского монастыря, врата которого немедленно раскрылись.

– Князь, прошу! – молвил монах, ожидающий свиту.

Он был облачён в длинное платье, голову его обвивал капюшон, отчего черты лица сокрылись тенью. Послушник проводил прибывших гостей до могильной усыпальницы и остановился. Глядя на князя, всё так же безмолвствуя, он протянул ему большой крест.

В ответ Влад Дракула опустился на колени, огласив молитву. Его шёпот эхом гулял во тьме, оседая в гнетущей черни холодных каменных стен монастыря, пока остальные не

смели шелохнуться на месте. Окончив, князь перекрестился и поднялся с колена.

– Вскройте склеп!

Приказ прозвучал твёрдо. Сопровождая таинство, монах осенил укрытые надгробья крестом, а после – всех присутствующих. Отвернувшись к образам, смиренно продолжил нашёптывать молебен, пока Димитр и Войко, более не предаваясь боязни и собственной набожности, внимая силе слов инока и воле князя, покорно принялись за раскопки. Сдёрнув ковры с могил в притворе главного храма, разрушили надгробье, оттащив тяжёлые каменные плиты.

Князь Влад молчал, осторожно вода лучиной подле захоронений, освещая раскрывшиеся места. Взор его внимал каждой мелочи, что могла встревожить рассудок, поведать о всяком невежественном деянии, нарушившем обряд погребения особ княжеских кровей. Оттого напряжение в воздухе нарастало, пока всё действие твердило: тайна сокрыта внутри – в самой земле...

«Не должно умирать в один день... Увечны тела или нет – то и расскажут...» – размышлял он, пока первая надгробная плита была снята, а взору Дракулы явился прах предка, облачённого в княжеское платье. Брошь на груди усопшего выдавала высокий титул, как и верхний платок, каким была покрыта голова, утаивающая лицо погребённого от глаз. Влад распознал в фамильных драгоценностях умершего – пред ним лежал отец. Могильный запах вмиг разнёсся по

всему притвору, резко ударив в нос, так что подданные князя скорчились, вопя и отворачиваясь от трупных зловоний, покамест сам Влад не уделял этому подобной чуткости, сохраняя покой и холод рассудка. Осторожно, дабы не нарушить черт тленного тела, недрогнувшей, но мягкой рукою князь стянул платок с покрытой головы.

Образ человеческий, обезображенный временем, было не распознать, но следы истязаний – не сокрыть. Отсеченная голова откатилась на дюйм от шеи мёртвого, в мгновение нарисовав подробные очертания казни, какой подвергся валашский правитель.

Окружающие вздрогнули, пока неистово устрашающе князь Влад молчал, твёрже сжимая кулаки.

– Вторая гробница... – тихим, отчётливо гневным, оттого сильным голосом приказал Дракула.

Монах на время застыл. Сколь дрожало тело служителя божьего, столь отражалось то в голосе его, когда он вновь возвестил благословение о вскрытии молитвою своею, наполненной состраданием и скорбью. Судорожно он начал креститься. Ладони окружающих вспотели. Князь Влад, ожидающий увидеть нечто схожее, был напряжён и скован чернью происходящего, но всё же хранил нерушимый дух, возвышаясь над собственным страхом, гневом и злостью. Молча он наблюдал.

Перед его взором предстал прах второй могилы. Останки старшего брата Мирчи имели перевернутый вид – он ле-

жал, завалившись на бок, но лицо его и плечи смотрели вниз. Мужское платье княжеское на нём было разодрано, руки и ноги крепко перевязаны тугими путами, а тело искорёжено. Лица умершего не виднелось почти. Голова его была запрокинута. Застывший в последней судороге, он так и окоченел изогнутою формой. По спине князя пробежал озноб, превратившись в холодный пот, пока рассудок окутывали тягостные предчувствия явной казни. Его лицо переменялось, резко побледнев, но тут же побагровел.

– Матерь Божья! – воскликнул Димитр. – Что ж это?

– Хоронили живым. Бился мучениями...

Округ все затихли. С затаённым ужасом, по очереди Димитр, Войко и монах осенили себя крестом, безмолвствуя.

– Его должно уложить как подобает...

Усопшего опасно приподняли, дабы развернуть, как тут же голова убиенного явила увечья, душу сковывающие: лицо его не имело глаз.

– Выколол прежде глаза, уложили в гробницу живым... – прошипел князь, сглатывая ком, но подавляя накатившиеся слёзы.

Догадки Дракулы были верны. Он додумывался о зверствах, с какими убили отца Влада Второго и брата старшего Мирчу. Глубоко в сердце Дракулы зародилась непреклонная ярость, и он поклялся отыскать и наказать виновных.

Вести от гонцов

Воротившемуся князю в лагерь охотничий, не мешкая, поднесли письмо с радостною вестью. Прежде визита до княгини возлюбленной решился он на исповедь, дабы очистить рассудок свой и быть готовым ко встрече с нею. Никоим случаем не желая омрачить счастливые мгновения подле желанной Милены и не осквернить предчувствиями душу женскую, тонко чувствующую все перемены в князе, дурными вестями раскрывшихся злополучных тайн. Ибо всё делал Дракула, чтоб уберечь суженую.

Оставшись в уединении храма, князь Влад молил о божьем промысле, отыскивая ответы. С холодным спокойствием он начал чують в себе сухость, отстранённую от страданий, какими терзались люди от вида крови, истязаний и смерти. Доселе повидав много боли и свыкнувшись с духом войны, он более не трепетал так, как страшились мирские. Но подымалось в нём злоба там, где видел порок, гордыню, алчность, прелюбодеяние и любой смертный грех, и душа его никак не могла ужиться с низостью да слабостью нутра человеческого. В раздумьях он вторил заповедям Божиим, вспоминая детство и честь, какой учил рыцарский орден, желая следовать в собственных деяниях путём праведным. Так, чтобы отец гордился им, если бы живым остался. Покамест в землях царит война, пока Валахия окружена захватчика-

ми, куда княжество окутано ядовитым клубом изменников, готовых лобызаться то с турками, то с венграми – лишь бы удержать влияние на валашский трон и казну, до тех пор, пока норвят сжить со свету жидовствующие саксонские лапотники, продажные бояре, куда враги не боятся ни бога, ни дьявола – не доволена мягкость. Но твёрдость, подобная камню, нужна, когда не дрогнет рука возмездия и обрушится гневом на виновных. Чужл Влад, близится пора, какую ждал со времён заточения турецкого.

Надобно ли учинять расправу над всеми, на кого пало подозрение? Нет... Князь Дракула внимал разуму, решив затеять дотошное расследование и наказать лишь истинно виновных. Смутное время остерегало от ошибок, а в доблести, отваге и защите нуждались Валахия, семья и его народ.

Терзали Влада мысли теперь более.

Вернуть трон – означает пробудить гонителей внутри княжества, посему надо быть готовым к заговорам, поставить своё правление так, что ни одна душа не осмелилась повторить содеянное и не покусилась на жизни четы княжеской и детей их. Нужно быть весьма настороженным, жёстким, но мудрым. Дабы убоялись те, что нечисты, но уважали и сторонились, верностью присягая. Уразумел князь – по справедливости вершить суд станет. Ибо самый страшный враг дремлет за пределом всех пределов Валахии и Трансильвании. Укрепление внутреннее надлежит сотворить первым делом по пришествии на княжение, пока Милена поглощена

заботами о муже своём и детях их, надобно искоренить врагов в кругу приближённом.

Да, супруга возлюбленная понесла. Радость ожидания первенца, точно лучина, озарила потаённые уголки души, внушая надежды на счастье, но пытка воспоминаний времени отрочества, проведённого в заточении у турок, несла мрак, затаиваясь где-то глубоко. Дочь то будет иль сын – не беда каким младенцем разрешится жена. Беда в участи детей княжеских. «Налог кровью» – фраза, пульсирующая ужасом испытаний, перенесённых самим Владом. Если обычай повторится, то его ребёнок пойдёт как единственный особенный узник.

С одна тысяча триста шестьдесят пятого года турки начали создавать армию из необычайно обученных воинов, наречённых янычарами, часть из которых определяли в капыкулу, коими полностью владел султан, держа рабами. Туда отбирали особенных отпрысков – наследников престолов восьми лет от роду и более. В то место и попал князь Дракула, когда был совсем мальчишкой.

Дурно стало Владу от предчувствий. Опустившись на скамью дубовую подле алтаря пред распятием в опечаленном облике, он призадумался, не замечая вблизи себя служителя церкви, который при виде князя замешкался, не решаясь сразу окликнуть, учтиво хранил тишину. То был старинный добрый друг Лукиан, монах-отшельник, кому князь Дракула был обязан жизнью. Почтительно монах оставил его на мо-

литву, удалившись в уголок, начал смиренно и тихо править свечи, да подливать в храмовые светильники елей. Запах благовония церковного рассеялся ароматом, пронзив остриём незримым плоть человечесью, осев внутри едва всколыхнувшимся покаянием, дающим надежду светлую. Князь закрыл глаза, глубоко вдохнув, шепнул отчётливо: «Господи! Помоги, прошу!..» – но шорох отвлёк его.

– Здравствуй, князь... – тихо поклонился пред ним монах. – Ты хотел видеть меня? Что тяготит тебя?

Дракула отвел тяжёлый взор, прикрыв веки и затаив дыхание, не решался слово молвить, лишь рвалась мысль в нем мольбой немою. Тишина окутала.

– Исповедуйся мне, коль груз держишь непосильный. Господь милостив!

Треск тлеющей свечи нарушил тишину, словно преломив в князе молчание могильное пред свидетелем Божиим, и он заговорил:

– «Дань! Твои сыны и ещё сотня мальчиков. Отдай без боя, внуши преданность мне! Не Венгрии!» То услышали мы, когда прибыли к отцу в Адрианополь. Султан Мурад оставил нас силой. Мне было четырнадцать от роду. – Влад прервал воспоминания, глядя священнику в глаза. Точно вчера он ощутил изуверства, какими взращивали янычар, порождая воинов, убивающих без сожаления. Лицо его стало искорёженным в момент. – Не за себя боюсь. И не пред участью былою впадаю в уныние. Княгиня моя возлюблен-

ная первенца ожидает. Каюсь в страхе о детях моих. О чём-то подобном, что со мною случилось да братом Раду.

Князь Дракула говорил, а священник внимал молча, не сбивая с толку. Чуткость отца Лукиана отразилась во всём лице его: цепком взоре, в руках, опущенных на колена его, ладно сложенных крест-накрест, и в смиренно поникшей голове.

– Мы пребывали в Эдирне. Я мог приглядывать за братом – мал он был совсем. Но настигло время, когда разделили нас. По несговорчивости отправили меня в замок Энгригрёз в заточение, лишив вестей и свиданий с ним. Вслед перевели в потаённое подземелье Токат. Чем боле я упрямился, тем крепче покорность вбивали. Через волю склоняли, на всё заставляя глядеть, чрез понуждения – истязать. Силой они брали особенно непокорных. Нагих опускали наземь, испражнялись на них, заставляли есть те нечистоты, мучили смертными пытками, изводя самые слабые места и промежности, в задний проход кол насаживали медленно, смазав сперва его тупой конец маслом, чтоб кол не пронзал плоть, а вытягивал животину, продлевая муки. С колом подымали от земли, оставляя так умирать. Корчились они днями и ночами. Порою выдавая признаки жизни и на четвёртый день. Видел я казней несколько и пыток, коими мучаюсь кошмаром во сне по сей день. Но ни стул турецкий, ни выжигание глазниц так не холодят душу и не отравляют разум мой, как пытки и смертоубийства после плотских насильных де-

яний. Смерть мучительная ждала любого, кто смел бросить вызов туркам. Во всех юнцах мне мерещился он, Раду. Беспомощность поглощала душу, ночами мне казалось, что я слышу вопли его... В темнице сковывала удушающая смертью тишина. Лишиться рассудка так просто... Крысы... Их было слишком много. Я поймал одну и наколол её на щепку, что выломал прежде из скамьи. Еду мне принесли в сей миг, но не мог ни вкушать, ни пить. Но швырнул на подношение турецкое то казнённое существо, презренно молвив: «Kazikli!»... Когда пришли за мною, бросил я, шипя: «На кол всех! Во славу султана!». То был знак на клятву речами, но не духом моим...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.